

Вопросы революции

Вартенберг Герхард

1928

1. Сравнительная история революции

В прошлом году в анархистской прессе развернулась дискуссия о венском восстании 15-го июля 1927-го года. К сожалению, эта дискуссия оказалась не слишком плодотворной, поскольку, с одной стороны, она слишком углублялась в несущественные детали, а с другой — жёстко придерживалась позиции ненасилия (Пьер Рамю). Чтобы правильно оценить точку зрения Рамю, необходимо провести тщательный анализ венских событий, однако столь глубоко познать их можно лишь через активное участие в них. Поэтому остаётся только проверить теорию Рамю не только на примере результатов венского восстания, но и в целом с помощью своего рода сравнительной истории революций. Сами события считаются общеизвестными.

Пьер Рамю однажды назвал применение оружия в ходе революции «устаревшим». Что это означает? Только два варианта: либо тактика вооружённой революции устарела с социологической точки зрения, т.е. современная структура классов и характер классовой борьбы (пролетариат против буржуазии) исключают применение тех военных средств, с помощью которых буржуазия вполне смогла победить феодализм. Либо эта тактика утратила актуальность из-за прогресса в области военной техники — благодаря появлению отравляющих газов, огнемётов и танков. Оба утверждения неверны.

В военном отношении всегда было так, что государственная власть была вооружена лучше, чем народ. «Армия организована, всегда готова к бою, отличается превосходной дисциплиной и в любой момент готова выступить; сила, заложенная в нации, хотя она и является в действительности бесконечно большей, не организована». Так совершенно верно заметил Лассаль («О сущности конституции», 1862).

Еще во времена буржуазной революции решающую роль играли не превосходство в технических средствах, количество пушек и крепостей (сегодня — пулемёты, миномёты, бронемашин), а организация и дисциплина. А этого, как и постоянных учений и боеготовности, не хватает революционной стороне. В этом Пьер Рамю совершенно прав, когда говорит, что «в долгосрочной перспективе невозможно вести войну с помощью добровольческой армии». (*Erkenntnis und Befreiung*, 1926, № 8–13, «Катастрофа устаревшего революционного метода».) Но тогда остаётся открытым вопрос: как же удалась хотя бы одна из многих революций нового времени? Очень просто: длительность боевых действий, о которой только что шла речь, предполагает, что армия, полиция и, возможно, даже добровольцы оказывают революционерам упорное сопротивление, т.е. что войска твёрдо находятся в руках реакции. Тогда их дисциплина становится гибелью для революций.

Успешные восстания без исключения происходили в совершенно иных условиях. Во время Великой французской революции, революций 1830-го, 1848-го, 1870-го, 1917-го и 1918-го годов войска всегда были недовольны, ненадёжны, частично братались с народом, массово дезертировали, так что оставались лишь небольшие отряды

ярких реакционеров, которые просто были сметены огромной волной. Вот это, и только это — победа революции, когда дисциплина войск разрушается в результате всеобщего революционного брожения. Конечно, этот развал сознательно усугубляется, при этом на стороне пролетариата можно создать и добровольную дисциплину, но в основном победа вооружённого народа становится возможной благодаря дезорганизации вооружённого государства. Таким образом, современная военная техника не может служить основанием для предположения, что вооружённая революция была возможна только против пушек, ружей и Бастилий, но безнадёжна против миномётов, пулемётов и танков.

Рассмотрим другое утверждение, согласно которому, как, например, говорит Каутский, военные операции являются излишними и вредными из-за социального различия между буржуазной и пролетарской революцией. Каутский обосновывает это примерно так: демократия является верным барометром настроений народа, и если капиталисты увидят, что большинство избирателей против них, они уже не найдут в себе мужества отстаивать свою позицию. Только абсолютизм, не имевший ни «барометра», ни «предохранительного клапана», был обречён на гибель в результате взрывов, которые тогда называли буржуазными революциями. — Всё это чепуха.

Во-первых, строгого разграничения между буржуазными и пролетарскими революциями вообще не существует: за чисто буржуазными следуют полубуржуазные, мелкобуржуазные революции, революции пролетариата с буржуазно-политическими целями и результатами, пока, возможно, однажды не начнутся чисто пролетарские революции. Даже среди них всё ещё будут присутствовать буржуазные революционеры. Далее, утверждение о «барометре» — это просто фальсификация истории. Ещё до Французской революции было совершенно ясно, что люди жили на краю вулкана: крестьянские восстания были на повестке дня; в России до падения царизма также происходило нечто, что не напоминало любовь к «царю-баюшке»; в Германии до 1848-го года существовали Гейне, демократическая пресса, студенческие братства и т.д. И наоборот, в 1923-м году при немецком парламентаризме никто точно не знал, насколько сильным стало революционное движение со времени выборов в Рейхстаг 1920-го года, пока в мае 1924-го года не удивились миллионам голосов, отданных за коммунистов, что, возможно, можно рассматривать как некий показатель революционных настроений. Таким образом, даже демократия с её многолетними избирательными циклами не даёт представления о силе революционного движения, и поэтому правящему классу никогда не приходится в голову сдаться и уйти, не оказав вооружённого сопротивления.

Здесь можно было бы возразить, что пролетариат поддерживает капитализм лишь своей экономической деятельностью и, следовательно, может свергнуть его только путём отказа от этой деятельности или использования её в своих интересах. Но и ремесленники, крестьяне и горожане во время буржуазных революций держали всю экономическую жизнь в своих руках и, несмотря на экспроприацию паразитов, были вынуждены взять в руки оружие, чтобы подавить «кавалеров», «Вандею» и военных. Тем самым опровергается утверждение об «устаревшем» революционном методе, и нам предстоит рассмотреть ненасильственную позицию с чисто тактической точки зрения.

Пьер Рамю не раз говорил, что солдаты контрреволюции — это «в подавляющем большинстве рабочие и крестьяне», которых можно привлечь на сторону революции, показав им образ полностью счастливого социалистического общества, но не с помощью военных методов. Следовательно, в рамках революции следует заниматься исключительно позитивной созидательной работой, а не военной борьбой с контрреволюцией, которая означает лишь братоубийственную борьбу между рабочими. Как обстоят дела на самом деле?

Когда в мае 1919-го года крестьяне из Верхней Баварии спустились со своих гор — мрачные, тяжело вооружённые, с «святейшими чувствами», оскорбленные провозглашением Советской республики в Мюнхене, и твердо решившие уничтожить её, Мюнхен уже был «захвачен» людьми Россбаха и Эрхардта — бывшими балтийцами, которые с Рождества 1918-го года до начала 1919-го года «успокаивали» Берлин, затем наводили «порядок» в Рурской области и теперь прибыли в Мюнхен. Кто были эти люди? Были ли они «в подавляющем большинстве рабочими и крестьянами»? Нет, это были в основном студенты, бывшие офицеры, мелкие буржуа, деклассированные авантюристы, люди, которые пристрастились к войне. Не было никакой надежды обезвредить их, кроме как разгромить, разоружить и заставить зарабатывать на жизнь трудом.

В России тоже было нечто подобное. Под командованием Деникина сражались целые «офицерские полки». И они были самыми отважными; ведь их власть оказалась под угрозой. (См. Аршинов: «Махновское движение».) Такие элементы не могут быть привлечены на сторону революции. Конечно, в армиях контрреволюции тоже есть рабочие, по крайней мере вначале. Но в ходе революций классовые фронты относительно быстро проявляются, остатки всех старых и реакционных сил собираются и вооружаются, и их необходимо быстро уничтожить. По-прежнему актуальна фраза Розы Люксембург о том, что революция должна стремительно продвигаться вперёд. Чем быстрее контрреволюция будет разоружена, свергнута и лишена собственности — какими бы средствами это ни было достигнуто, — тем надёжнее будет обеспечена революция и тем быстрее сможет начаться социалистическое строительство.

Конечно, пролетариат в ходе своей революции будет использовать экономические средства борьбы, так как и в предыдущих пролетарских восстаниях всеобщая забастовка, саботаж и захват заводов играли большую роль. Но против отряда буржуа, вооружённого средствами современной военной техники, одни только такие средства мало что дадут. Рабочих выгоняют с одной фабрики на другую одни и те же отряды солдат; саботаж пресекается тщательным наблюдением и расстрелами; часть бастующих вынуждена возвращаться на работу из-за голода, поскольку вооружённые силы конфискуют для себя всё, что им нужно. Пропагандистов сажают в тюрьму, газеты и митинги запрещают, и в конце концов революционный огонь угасает, даже если его подпитывает память о свободе и строительстве до оккупации. Мы слишком хорошо знакомы с таким ходом событий по опыту октябрьских дней 1923-го года в Саксонии и Тюрингии. Весной 1924-го года состояние осады было снято, Рейхсвер ушёл, и наступили снова «нормальные времена». Поэтому я считаю ошибочным впускать войска контрреволюции на революционную территорию, если есть перспектива их уничтожить.

Однако в Саксонии и Тюрингии отсутствовал тот момент, который Пьер Рамю считает столь важным: предшествующее построение социализма. Но разве можно полностью построить социализм за столь короткий срок, каким располагает революция? Сам Пьер Рамю сомневается в этом («Freier Arbeiter», 1927, № 48), не делая из этого никаких выводов.

Иначе обстоят дела с реализацией революционных лозунгов в ходе буржуазных революций. Социальным преобразованием, которое сделало Великую французскую и Русскую революции столь эффективными и устойчивыми, стало раздел крупного земельного владения. Это стало быстрой, очевидной и действенной помощью для бедных крестьян, которые в результате с энтузиазмом и готовностью к самопожертвованию выступили в поддержку революции. Как же обстоят дела с социализацией производства и потребления в промышленно развитой стране? Современная мировая экономика представляет собой сложный механизм, который невозможно мгновенно переориентировать с прибыльной модели на плановую экономику и экономику потребностей. (Этот факт является для Каутского одной из главных причин, по которым он отвергает гражданскую войну. Он считает, что это приведёт к сбою в работе этого сложного аппарата, и мы все умрём с голоду, как показал пример России. Простой производственный аппарат 18-го века мог выдержать такие потрясения, но сегодня — нет! Это, конечно, чистая каутскианская софистика. Париж в 1789–1793-х годах голодал не меньше, чем в 1871-м году или чем Берлин и Москва в 1918–1919-х годах. Беспорядки прерывали работу, будь то ремесленников и крестьян или пролетариев.)

Требуются годы напряжённой работы, чтобы выстроить социализированную экономику таким образом, чтобы преимущества для трудящихся масс были явно заметны. Сможет ли пролетарий, страдающий во время революции от нехватки, особенно иностранных товаров, на которого будут возложены совершенно новые функции, который должен выработать новую, строгую этическую позицию и чувство социальной ответственности, проявить героизм и стойкость? Сможет ли он в течение длительного времени, терпя лишения и подвергаясь угрозам, помогать создавать такое общественное устройство, которое только позже сможет благоприятно отразиться на его положении? Если сравнить динамику предыдущих буржуазных и пролетарских революций, то мы увидим, что динамика первых была несравненно выше. Взлёт Французской революции длился 5 лет, Русской — которую в данном случае можно считать преимущественно крестьянской, — 4 года (до НЭПа), а немецкой 1918-го года — в лучшем случае 2 дня; когда Шейдеман провозгласил в Берлине республику, а Носке собрал свою гвардию Эрхардта, она была способна лишь на несколько быстро подавленных судорог. (Январские бои, Советская республика, Макс Гёльц и т. д.) В Германии революция не принесла пролетариату никакого экономического улучшения, поэтому после провала первых боев не осталось никакой движущей силы.

Из всего вышесказанного следует, что в первую очередь необходимо быстро подавить реакцию во всех сферах — военной, политической и экономической, — поскольку только в этом случае можно будет успешно осуществить восстановление, да и вообще приступить к нему.

Остаётся ещё выяснить, демонстрируют ли произошедшие до сих пор более или менее пролетарские восстания и революции тенденцию к тому, чтобы сделать военные средства излишними и заменить их экономическими. Неужели пролетарские восстания Коммуны, немецкой революции 1918-го года, итальянского движения 1920-го года прошли менее кровопролитно, чем великие буржуазные революции? Нет! Конечно, в ходе недавних революций в качестве оружия выступает и всеобщая забастовка (1905, 1917, 1920), но никто не станет утверждать, что применение «крайней меры» от этого теряет свою актуальность. В августе 192-го года итальянские металлурги не только заняли фабрики, но и вырыли окопы (М. Неттлау, «Эррико Мала-теста»); правительство Каппа, возможно, ушло в отставку из-за всеобщей забастовки, но отряды Каппа в провинциях пришлось упразднить только в ходе кровопролитных боев. Мы можем рассмотреть любое пролетарское восстание — ни одно из них не смогло победить вооружённую контрреволюцию, используя исключительно экономические средства борьбы, и ни одно даже не пыталось сделать это, опираясь только на них. Инстинкт рабочих подсказывает, что вторжение «белых» означает конец революции и что их поэтому необходимо немедленно уничтожить.

Здесь следует сразу же опровергнуть два возражения против этого вывода. Можно было бы сказать, что упомянутые пролетарские восстания ещё носили буржуазный или крестьянский характер и что подлинно пролетарские революции будущего будут выглядеть совсем иначе. Но это неверно. Во-первых, как уже упоминалось, всегда будет существовать небольшой слой буржуазных революционеров. Во-вторых, в упомянутых восстаниях лидерство всегда принадлежало рабочим, независимо от того, насколько они были многочисленны. В-третьих, были и такие восстания, которые были организованы исключительно рабочими: восстание в Центральной Германии в 1921-го году, Гамбургское восстание 1923-го года. И в них вовсе не отказывались от оружия. Напротив.

В качестве второго возражения Пьер Рамю заявил, что главным элементом русской Октябрьской революции всё-таки было распределение земли, что этот акт в целом прошёл без кровопролития и что, следовательно, вопрос о применении насилия тем самым снят. Такая аргументация весьма странна. Как бы крестьяне смогли захватить землю, если бы армия не была предварительно измотана войной? Как бы они смогли её удержать, если бы Деникин и Колчак не были разгромлены? Разве Рамю не знает, что Деникин был разгромлен главным образом благодаря крестьянским восстаниям в тылу (поддержанным и организованным Махно), и что эти восстания были вызваны тем, что Деникин отнял у крестьян землю, владение которой он сначала был вынужден им гарантировать?

Пьер Рамю также отмечает, что главная опасность военной деятельности для анархизма заключается в том, что она вынуждает прибегать к «абсурдным методам», которые в конечном итоге уничтожают сам анархизм. Военная деятельность влечёт за собой дисциплину, подчинение, принуждение, что в конечном счёте приведёт к отмене завоеваний революции. В этом, безусловно, есть доля правды. Но пролетарская революция, в отличие, например, от Великой французской революции, не будет вести длительные войны, а сложит оружие после разгрома реакции, поскольку пролетариат заинтересован не в национальном господстве, а в международном

взаимопонимании. Относительно короткий период, который займёт вооружённая революция, ни в коем случае не может изменить характер пролетарского восстания.

Теперь, конечно, остаётся ответить на вопрос: почему же большинство пролетарских восстаний было подавлено, если их тактика в принципе была правильной? На мой взгляд, в этом виноваты две основные причины. Во-первых, идеологическая неясность самого пролетариата, обусловленная обстоятельствами, в которых происходило большинство рабочих восстаний. Во-вторых, тот факт, что они, как правило, начинались слишком поздно, когда революционная волна уже спадала. Чтобы пролить на это больше света, нам необходимо рассмотреть обычный ход подобных движений: ведь до сих пор пролетарские восстания почти всегда следовали за буржуазной революцией, которая, в свою очередь, была следствием какого-либо потрясения общества (вызванного кризисами или войнами). Какое-либо полуабсолютистское или полностью абсолютистское правительство свергалось пролетариатом и более прогрессивной частью буржуазии; пролетариат доверял пришедшим к власти буржуазным или мнимо пролетарским элементам, которые, естественно, думали обо всём, что угодно, только не о защите интересов пролетариата.

Эта неясность в отношении классовых фронтов, которая из-за только что сформировавшегося боевого союза против абсолютизма сходилась лишь постепенно, обусловила слабость второй революции. Кроме того, она чаще всего начиналась слишком поздно. Новое правительство уже укрепилось, революционный порыв уже сходил на нет, поэтому Коммуна, Мюнхенская Советская Республика и махновское движение были обречены на гибель. (Российская Октябрьская революция представляет собой исключение, которое, однако, подтверждает правило, поскольку оно проверено на ней. Продолжение безнадёжной войны правительством Керенского привело к тому, что укрепления не произошло, а революционная волна только поднялась ещё сильнее и быстрее.) Для Делеклюза и Варлена момент для действий наступил в сентябре 1870-го года, когда Империя рухнула, а Республика под руководством Тьера и Гамбетты ещё не укрепилась. Тогда Бакунин тоже хотел действовать — в Лионе и Марселе. Но народ в то время не видел достаточно ясно. В марте 1871-го года ясность наступила, но к тому времени был заключён мир с Германией, государство было укреплено. Коммуна должна была пасть.

В ноябре 1918-го года Эберт и Шейдеман были великими людьми, поскольку они основали республику. Даже Либкнехт в первые дни призывал к спокойствию. Когда в 1919-го году рабочие осознали, каких лидеров они себе выбрали, было уже слишком поздно. Носке, а позже Сект, пронесли по стране железной метлой своих ополченческих орд и подавили все проявления пролетариата. То же самое происходило и с другими рабочими восстаниями, примеров чему достаточно. Когда рабочий класс обретёт достаточно сил, чтобы самостоятельно, без поддержки прогрессивных элементов других классов и без особого политического повода, подниматься исключительно за свои требования, тогда упомянутые факторы утратят своё значение, и при задействовании всех сил и всех средств победа будет обеспечена.

2. Проблема переходного периода

Со времён войны и русской революции в анархизме появилось множество течений, которые недовольны недостаточной ролью нашего движения в революционных событиях; вследствие чего они стремятся пересмотреть, развить или уточнить некоторые из унаследованных взглядов. Это чувство неудовлетворённости прослеживается уже в работе Де Лигта «Анархизм и революция» 1922-го года и далее во многих разрозненных статьях, вплоть до статей Рудольфа Рокера в журнале «Фанал». Значительную роль в этих устремлениях играет так называемая «Платформа» русской группы «Дело труда» в Париже. В частности, ответ другой русской группы, во главе с Волиным, который до сих пор не был переведён на немецкий язык, содержит ценные соображения.

Проблема переходного периода, которая также играла определённую роль в этих дискуссиях, является, на мой взгляд, одной из важнейших, и только её решение делает возможным более благоприятное развитие анархизма. Ведь на вопрос рабочего класса: «Что вы собираетесь делать сразу после победы социальной революции?», мы должны быть в состоянии дать чёткий и убедительный ответ. Старый анархизм не ставил этот вопрос с необходимой ясностью. Мы либо вообще не уделяли внимания условиям, которые когда-то должны будут воцариться, либо давали описание полностью реализованного анархизма (например, «Завоевание хлеба» Кропоткина, «Общая социальная забастовка» А. Роллера и т. д.), при этом вопрос о путях, ведущих к этому, отмахивались несколькими словами об «инстинкте народа», «врождённом добре в человеке» или просто о «доброй воле» (см. Жан Грав в его ответе на Платформу, «Fr. Arb.», 1927).

При этом идея о том, что посредством социальной революции можно напрямую достичь того идеального состояния, которое называется «анархией», является представлением, находящимся в резчайшем противоречии с любыми законами развития. Такое представление означало бы, что весь многовековой, кропотливый, то ускоряющийся, то замедляющийся, часто прерываемый неудачами процесс развития культуры должен был бы внезапно по какой-то причине остановиться, подойти к концу. Согласно этой точке зрения, анархия представляла бы собой своего рода рай, скрытый где-то в будущем, в который можно было бы проникнуть посредством чрезвычайного усилия, называемого «социальной революцией». Следует признать, что это представление опасно близко к христианским идеям о спасении и что оно, посредством косвенного введения идеи цели («телеологического принципа») в историю, привело бы к возвращению давно преодоленной научной точки зрения. Если отбросить эти последствия, то остаётся лишь лишить анархию её идеального характера, объявить её также одним из этапов на пути развития человечества, и тогда пришлось бы выдвинуть в качестве дальнейшей цели «сверх-анархию» — представление, столь же абсурдное.

Если мы учтём всё это и захотим оставаться в рамках индуктивно-дедуктивного исследования, то должны признать, что анархия в своей чистейшей форме — это идеальное состояние, которое, возможно, вообще не будет достигнуто, а если и будет, то, безусловно, только через долгое время. Наша задача после революции должна заключаться в том, чтобы, опираясь на имеющееся, предпринимать шаги по приближению к нашей цели. Насколько далеко мы продвинемся, покажет будущее. Вероятно, следующим этапом — после феодализма и буржуазной демократии — станет своего рода индустриальная демократия, которая будет использовать систему советов для своего практического построения. Во всяком случае, на это указывают тенденции последних пролетарских восстаний.

Слово «переходный период» в наших кругах имеет весьма негативный оттенок. Во время обсуждений платформы никто не осмелился открыто высказаться в поддержку этой идеи. Однако у этого есть вполне конкретная и очевидная причина. То, что обычно понимали под «переходным периодом», или то, что происходило под этим названием в предыдущих революциях, было не временными мерами по введению чего-то нового, по разрушению институтов власти и т.п., а бездействием в отношении жизненно важных мер, в основном в экономической сфере, или восстановлением старых отношений, которые народ уже спонтанно устранил. Это происходило либо из-за незнания общественного значения таких мер, либо под влиянием реформистских, нерешительных элементов. Позже это обернулось против нас тем, что реакционные силы, которым позволили сохраниться, при благоприятном случае ликвидировали всю революцию. Такое понимание переходного периода, безусловно, опасно и оправдывает наше недоверие.

Однако между несколько фантастической идеей Нечаева и прочих, заключающейся в том, чтобы до основания разрушить общественные формы, не оставить ничего, а затем построить всё заново, и той небрежностью, с которой в ходе предыдущих революций сохранялись важные функции в авторитарном духе, всё же существует некий средний путь. Необходимо пока оставить в покое те задачи, которые стоят несколько дальше и не поддаются немедленному решению, и вместо этого сосредоточить все силы на перестройке «ключевых позиций» в обществе, с помощью которых затем можно будет перевести всё общество на новые формы жизни. Таких ключевых позиций всего три: политическая государственная власть со всеми её ветвями, которую необходимо полностью ликвидировать; организация предприятий при устранении влияния предпринимателей, директоров, специалистов, а также комиссаров, «красных директоров» и т.д., исключительно в соответствии с идеей советов — снизу вверх; и, в-третьих, военная защита революции с помощью народной армии, также организованной по принципу «снизу вверх». Если военные операции не понадобятся, что было бы весьма желательно, но маловероятно, то этот пункт отпадёт, и останутся лишь две важные задачи: организация экономической жизни в духе свободы и упразднение государства. Как только это произойдёт, невозможно представить себе какую-либо авторитарную власть, которая могла бы удержаться где-либо в обществе. В прессе, школе, театре, семейной жизни, политической жизни, сексуальной жизни, системе образования — повсюду, как и сегодня, будет прояв-

ляться преобладающее влияние экономики, которое реорганизует эти сферы в духе свободы там, где это ещё не произошло.

Обратное исключено. Ни пресса, ни искусство, ни что-либо другое никогда не смогут добиться более чем временных успехов, опираясь исключительно на собственные силы, без экономической основы, да и вовсе вопреки тенденциям экономической жизни. Поэтому, если нам удастся взять экономическую жизнь в свои руки и временно наладить её в духе свободы, то нам больше не нужно беспокоиться о ходе революции, даже если мы, по необходимости, в качестве переходной уступки, вынуждены будем где-то позволить проповедовать священнику, не сможем принять решительных мер против телесных наказаний в рабочих семьях или вынуждены будем терпеть ядовитую болтовню какого-нибудь газетного шарлатана о нашей работе. Всё это никого не выманит из укрытия; не найдётся ни одного человека, готового защищать старые принципы, потому что реакционеры экономически бессильны, не могут ничего заплатить, а народу живётся слишком хорошо, чтобы ввязываться в авантюры.

Не следует полагать, что это означает одобрение исторического материализма и отрицание революционной воспитательной работы. Преобразование экономики — это деятельность, которая уже предполагает высокую степень революционной зрелости пролетариата. Карл Рохе однажды так выразил соотношение между идеей и реальностью: если столяр хочет сделать стол, то есть совершить вполне материальное действие, он должен сначала знать, как этот стол должен выглядеть, и при этом выполнить умственную работу — разработку проекта. То же самое происходит и в обществе. Этот вопрос следовало бы когда-нибудь прояснить в отдельной статье, в которой следует изложить нашу принципиальную позицию по поводу исторического материализма.

Если мы проанализируем ход предыдущих революций с точки зрения реализации подобных экономических требований, то сможем констатировать, что в большинстве случаев за важнейшие считались совершенно другие вещи, только не завоевание истинных основ общества. Создавались правительства, созывались парламенты или национальные собрания, долго и подробно обсуждались законы и конституции, но при этом забывали о необходимости сломить влияние реакции, которое она оказывала через чиновничество, крупных землевладельцев, крестьян, фабрикантов, офицеров и солдат. Так сложилось, что революции удавалось подавлять с каждым разом все быстрее, и за ними следовал период ужасающей реакции.

Как только правящие круги, собственники и реакция оправились от первоначального шока, вызванного только что разразившимися революциями, и убедились, что их основные привилегии — собственность, полицейская власть, командование армией и т.д. — остаются нетронутыми, они начали систематическую войну против нового строя. Экономическая жизнь замерла, курсы валют падали, новое правительство оказалось в затруднительном положении, рабочие голодали и роптали, а реакция укрылась за правым крылом революционеров — в основном буржуа, мелкая буржуазия или мнимо пролетарские элементы — чтобы безжалостно нападать на левых — рабочих и их лидеров. В конце концов было спровоцировано и подавлено восстание, в результате чего сила революции была сломлена, и путь для реакции оказался свободным. Таков был ход большинства предыдущих революций — 1848-го,

1871-го, 1918-го годов — потому что механизм общественных законов не понимали или не хотели понимать.

Причину этого непонимания следует искать в обманчивом примере великих буржуазных революций, особенно Французской революции 1789-го года. Была перенята не только форма, но и содержание, в то время как общественное положение кардинально изменилось. Заблуждение заключалось в том, что, возможно, в 1789-м году парламент и конституция представляли собой нечто желаемое, поскольку речь шла о буржуазной революции с политическими целями, по крайней мере в городах. Но более поздние революции, совершённые рабочими, не могли действовать по этой схеме, если они хотели добиться чего-то для рабочих, поскольку речь уже шла вовсе не о простом политическом перевороте, а об экономической, социальной революции. Парламентаризм был целью буржуазных революций и оказал буржуазии огромные услуги, но пролетариату он ни к чему не нужен. По этой причине рабочие не были удовлетворены предыдущими революциями, и поэтому все они заканчивались сильной реакцией.

Единственным исключением является русская Октябрьская революция 1917-го года. Тогда — местами ещё до октября — изгоняли владельцев фабрик, распределяли поместья между крестьянами, убивали или изгоняли полицейских, разрушали государство. И даже противники нынешнего российского правительства вынуждены признать тот факт, что эта революция продемонстрировала огромную жизненную силу. Она устояла перед саботажем и подрывными действиями внутри страны, перед невежеством заблудших крестьян, перед контрреволюционными бандами со всех сторон, поддерживаемыми Англией и Францией, перед блокадой и войной, перед изоляцией и голодом. Сегодня она лишь тень самой себя, но её так и не удалось победить. Это свидетельство того, на что способен глубокий социальный переворот, какие силы высвобождаются, когда народ знает, что борется за себя.

Если бы мы захотели найти причины неутешительного хода русской революции, каким он остаётся и по сей день, то в первую очередь следовало бы упомянуть об экономической структуре: 85 % крестьян и 10 % рабочих. Понятно, что этот сильный крестьянский класс, который, возможно, и был революционным, пока подвергался угнетению, но становился всё более индивидуалистичным, как только его нужды были удовлетворены и он стал хозяином своей земли, не мог служить опорой для социалистических устремлений. Напротив, он вынуждал правящих большевиков прибегать к капиталистическим методам. В качестве других причин упадка следует упомянуть необразованность русского народа, изоляцию России и прочие внешние угрозы, предшествовавшую войну и авторитарную теорию большевиков.

Несмотря на то, что сегодня Россия мало чем отличается от других государств с диктаторским режимом, эта революция всё же научила нас, что значит, когда революционеры захватывают или уничтожают основы существовавшего до сих пор общества, государства, экономики и армии. То, что не удалось осуществить в России, где 85 процентов населения составляли крестьяне, непременно удастся в Германии, где 60 процентов населения можно отнести к рабочему классу или равноправным с ним слоям.

Упомянутая платформа поднимает очень важный вопрос о переходном периоде: следует ли в переходный период применять принципы, отличные от наших

анархистских? Тогда это должны были бы быть, по сути, авторитарные принципы. Но так ставить вопрос нельзя. Если бы это было так, то можно было бы выбрать только анархистские принципы и прийти к отказу от переходного периода. Однако вопрос должен стоять не так: «анархические принципы или авторитарные?», а «действовать вообще или бездействовать?». Там, где мы в состоянии вмешаться, мы, разумеется, будем применять анархические принципы; однако следует усомниться в том, что у нас достаточно сил или что у народа достаточно надёжный инстинкт, чтобы перестроить общество со всех сторон одновременно. На данный момент нам придётся пока оставить в силе авторитарные институты, предрассудки и обычаи, да даже, возможно, иметь с ними дело, терпеть их, пока мы не укрепим фундамент нового общества и не перестанем опасаться вооружённой контрреволюции. Если бы анархисты в такой ситуации отказались от любой практической деятельности и ушли в недовольную оппозицию, потому что не хотят идти на компромиссы с авторитарными институтами, то они уступили бы поле другим течениям, и революция свернула бы на авторитарный путь.

Нет, здесь, пожалуй, следует проводить различие между мерами или бездействием, которые неизбежно затормозят дальнейшее развитие революции, и теми, которые можно будет наверстать позже. Тот способ распределения земли среди русских крестьян в 1917-м году, в результате которого было создано многочисленное и довольное жизнью сообщество мелких и средних крестьян, подобное тому, что существовало во Франции и Германии, безусловно, стал актом, породившим значительную часть последующих трудностей. Роза Люксембург осознала это с самого начала и в своей работе о русской революции предупредила большевиков, чтобы они не заграждали себе путь вперёд. Аналогично обстояло дело с упущениями в отношении контроля над фабриками, разрушения государства и т.д. в ходе предыдущих революций. Так же и подавление движения Советов в Германии в 1918-м году и его замена парламентаризмом полностью перекрыли дальнейший путь этой революции. Она была обречена на то, чтобы закончиться при Гинденбурге.

Однако это не исключает того, что бывают и упущения, которые можно исправить позже. Например, французский король после начала революции 1789-го года правил ещё целых два года. Окончательное утверждение аграрной реформы во Франции произошло даже через четыре года после начала революции. Причиной, которая сделала это возможным, стало фактическое потрясение основ уже в самом начале революции; против этого не смогли ничего поделать ни реакция, ни Вандея, ни вторжения с Рейна, и тем более такие «косметические недостатки» или формальности, как форма правления и т.п., не могли проявиться в качестве контрреволюционных тенденций. Однако сравните это с тем фактом, что упущенная в 1918-м году экспроприация немецких княжеских домов в 1926-м году оказалась просто невозможной.

Когда я говорю здесь о «переходном периоде», я, конечно, не хочу выступать против возможных анархистских действий только ради самого термина «переходный период». Напротив, я, разумеется, считаю, что как можно большее количество вещей следует немедленно организовать «окончательно» в духе свободы.

Цель моих вышеизложенных рассуждений — бороться с жёстким догматизмом анархистов, которые не хотят иметь ничего общего с тем, что не гарантирует стопроцентную свободу от власти как внутри, так и снаружи. Примеров такого поведения

более чем достаточно. (Вопрос о производственных советах, профсоюзное движение, референдум, деятельность в ходе немецкой и русской революций и т.д.) Я хочу обратить внимание анархистов на то, что, несомненно, многие из них уже осознали: в ходе столь масштабного переворота, каким будет социальная революция, не всегда всё может происходить так «чисто», как это описано в книгах. Возможно, возникнут различные трудности, не предусмотренные до сих пор в теориях, которые можно преодолеть не с помощью гневного отстранения, а только с помощью решительных действий.

Анархистам не нужно бояться реформизма или размывания идей; пока эта опасность ещё не проявилась. Основной принцип анархии настолько ясен и силён, что способен противостоять всему этому и даже сочетаться с такими идеями, как раннее христианство, религиозность, идеализм, индивидуализм и т.д., не нанося себе непоправимого ущерба. Опасность для анархизма кроется как раз в противоположном: в изоляции, в стремлении сохранить чистоту идеи, ограждаясь от всех влияний времени, что приводит к отрыву от реальности, закостенению и потере влияния. Эти явления мы можем наблюдать каждый день в самых разных странах — как в Германии, так и во Франции, Австрии, Нидерландах, Аргентине, везде, где существует наше движение. Есть лишь несколько исключений, например, Испания, Португалия, Италия. Пришло время всем, кому действительно небезразлично прогрессивное развитие общества в духе анархизма, восстать против этого положения дел, как это уже не раз делал товарищ Рокер в этом журнале, и начать объективную дискуссию о новых путях анархизма.

Я хотел бы обобщить ход мысли, изложенный в этих рассуждениях, в виде своего рода краткой программы — революционной минимальной программы, которая, на мой взгляд, соответствует стремлениям предыдущих пролетарских революций:

- * Роспуск государственных органов: судебной системы, полиции, администрации, налоговой системы, политических органов. Не роспуск, провозглашённый декретом, а роспуск, осуществлённый революционными рабочими на практике вплоть до самой отдалённой деревни. Никакого создания новых органов под каким бы то ни было прикрытием.

- * Перестройка экономической жизни, отмена права собственности на средства производства, права наследования и т.д. Переход предприятий в ведение рабочих советов, объединяющихся на местном, национальном, международном и профессиональном уровнях. Отмена денег, переход банков в собственность рабочего класса. Сначала введение равного права на получение всех предметов первой необходимости и продуктов питания. («Рационализация».) Позже, в зависимости от обстоятельств, введение свободного права на получение для всех трудящихся, распределение через предприятия или на основании продовольственной карточки, выдаваемой предприятием. Привлечение паразитов, чиновников и т. д. к производству.

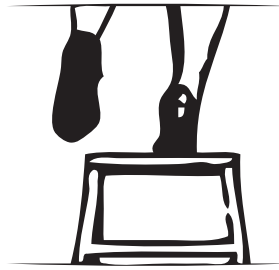
- * Роспуск и разоружение армии, полиции и вооружённых (гражданских) формирований. В случае необходимости — создание добровольной милиции из всех пригодных к военной службе мужчин на основе свободного выбора руководителей и системы советов.

Реализация этого требования ещё не означает анархизм. В этом мы должны быть уверены. Но есть гарантия того, что такое общество сможет здоровым образом развиваться дальше, в сторону анархии, если его не уничтожит война и т.п. Переворот будет настолько радикальным, что это общество уже никогда не сможет вернуться к сегодняшнему состоянию.

Конечно, эта минимальная программа ещё не является окончательной. Она призвана лишь послужить поводом для обсуждения. Несомненно, многие отвергнут саму идею переходного периода. Существует множество классических аргументов против этого, унаследованных из прошлого, которые мне известны, но которые я больше не считаю убедительными.

Пришло время вывести анархизм из его догматического оцепенения, объяснить пролетариату наши цели в простых и понятных формах, выразить опыт последних лет в удачных лозунгах. Если нам это удастся, то анархизм будет играть в пролетарском движении ту роль, которая ему положена.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Вартенберг Герхард
Вопросы революции
1928

Скопировано 14.09.2026 с <https://liberadio.noblogs.org/?p=3860>
Перевод с немецкого: Ndejra. Из: Fanal, Nr. 12, 1928. Опубликовано под псевдонимом
H. W. Gerhard.

<https://www.anarchismus.at/anarchistische-klassiker/aus-fanal/7609-gerhard-wartenberg-fragen-der-revolution>

ru.anarchistlibraries.net